

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ,

повествующая о том, как смышленная обезьяна пробуравила вазу, содержащую женское и мужское начала, и как главарь демонов вновь вступил на путь Истины

Итак, Великий Мудрец Сунь У-кун подошел к входу в пещеру и заглянул в нее. И он увидел, что:

На дне пещеры груды черепов
Пугали дырами глазниц незрячих,
Мерцанием оскаленных зубов,
Костей там было, что деревьев в чаще,
Шел от гниющих трупов дух смердящий,
Вздымавшийся до самых облаков.
Людские волосы, как войлок настоящий,
Свились в непроницаемый покров,
Качались остовы, и свет лился мертвящий
От обнаженных белых костяков.
Забравшийся в пещеру, по колено
Увяз бы в жиже мерзостного тлена,
Запутался б средь связок и мотков
Жил, вытянутых из людей, безвинно убиенных...
Там горы трупов и кровавые моря;
В котлах, на сковородках необъятных
Людское мясо жарят бесенята,
Летит зловещий дым, костры трещат, горя,
Хохочут демоны, живых людей моря,
Безжалостно кромсая плоть живую,
Ее с костей соскабливая и свежую.
Помимо обезьяньего царя,
Кто б мог отвагу обрести такую,

Чтоб добровольно в этот ад сойти? —

Подобного ему героя не найти!

Однако, пробравшись за вторые ворота, Сунь У-кун так и ахнул, там все было по-иному: удивительная чистота и тишина поразили его. Его взору открылись замечательные красоты и широчайшие просторы. По обеим сторонам расстилались роскошные луга с диковинными цветами, вдаль уходили стройные ряды высоких сосен и изумрудно-зеленых бамбуков. Пройдя несколько ли, Сунь У-кун подошел к третьим воротам и юркнул в них. Тут он увидел трех демонов, восседавших на возвышении, очень лютых и свирепых. Особенно страшным ему показался средний:

Клыки — что долото, а зубы — что пила,

Квадратный лик, а голова кругла,

Разящий взгляд — что молнии стрела.

Огромный, вздернутый, широкий нос

Среди лица торчит, словно утес,

Рокошет голос громом дальних гроз.

Широк разлет его бровей густых,

Как лисий хвост червонно-огневых,

Заря свой отсвет затеряла в них;

Одним движением он повергает в страх

Зверей, над коими царит в лесах,

Когда ж сидит, суров и недвижим,

Все демоны трепещут перед ним;

«Льва черного» он гордо носит имя

Меж подданными верными своими.

По левую сторону от него сидел второй демон:

Золотистые, как у феникса, глаза его

Были ясные и лучистые, пылали заревом.

Лоб покатый его бороздился морщинами,

Было нескладным туловище его длинное.

Нежен был голосок, как журчанье ручья прохладного.

Ликом же был он похож на дьявола бычьегоглавого.

Волосы серебристые росли из носа его,

Словно хвост лошадиный, висели космами.

Ими он прикрывал страшную пасть зубастую,

Пряча угрозу ее и совершенствуясь нравственно.

Старым клыкастым тапиром долгие годы звался он.

А теперь послушайте, как выглядел демон, сидевший с правой стороны:

На длинной шее грифа голова,

И за плечами крылья золотые.

Взгляд, как у барса, а зрачки большие

Горят, как две звезды, как солнца два.

Трепещет Север, теплый Юг дрожит,

Столь демон сей силен, хитер, отважен!

Не только людям — он драконам страшен,

Когда спокойно в воздухе парит.

Когда в полете он, трясутся в страхе птицы,

Ведь каждая из них его когтей боится.

Летает он за сотню тысяч ли —

Недаром Кондором его великим нарекли!

Перед демонами по обеим сторонам выстроилось в ряд свыше сотни больших и малых бесов, видимо, главарей. Все они были в боевых доспехах и шлемах. Их грозный вид внушал ужас, все они были преисполнены жажды крови.

— О великие князя!

Демоны усмехнулись.

— Никак это ты, разведчик, вернулся? — спросил старший.

— Да, я.

— Ну как? Когда обходил гору дозором, узнал, куда делся Сунь У-кун?

— О великие князья, — изобразив испуг, ответил Сунь У-кун. — Даже при вас мне страшно рассказывать...

— Чего ж ты боишься? — удивился старший демон.

— Получив ваше повеление, я тотчас отправился в дозор, — принялся сочинять Сунь У-кун. — Иду себе, как полагается, стучу в колотушку и позваниваю колокольцами, вдруг поднимаю голову и вижу великана, который сидит на корточках и точит железный брус. Я было принял его за духа Хранителя дорог. Если бы он поднялся, то наверняка оказался бы в десять чжан ростом. Сидел он у камня на берегу горного ручья. Обольет камень пригоршней воды, поточит брус, что-то пробормочет и опять сначала. Стал я прислушиваться. Оказывается, он сетовал, что брус не проявил своей чудодейственной силы, что надо наточить его до блеска, а тогда можно будет явиться сюда и... побить вас, великие князья. Тут я смекнул, что это и есть Сунь У-кун, а потому и прибыл доложить вам.

Старший демон, выслушав Сунь У-куна, задрожал от страха и покрылся холодным потом.

— Братцы, — проговорил он, — не будем лучше трогать Танского монаха. Ученик его обладает необыкновенными чарами. Он уже заранее готовит козни против нас. Вот отточит он свой волшебный посох и примется бить нас, что тогда будет?!

И он тут же отдал распоряжение:

— Меньшие братья наши! Велите всем подчиненным бесам и бесенятам собраться в пещерах, а ворота все запереть наглухо. Пусть Танский монах идет своей дорогой.

Один из старшин бесовских отрядов, уже знавший о том, что произошло перед воротами, доложил старшему демону:

— О великий князь! Все бесенята разбежались куда глаза глядят...

— Как разбежались? — возмутился старший демон. — Видно, и они беду почуяли! Ну, живо! Запирайте ворота быстрее!

Бесы гурьбой бросились исполнять приказание и заперли на засовы все ворота.

Сунь У-кун не на шутку встревожился: «Ну, вот! Ворота заперли, а теперь примутся за меня. Начнут расспрашивать да еще о домашних делах, а я и не знаю, что отвечать. Выдам себя с

головой и окажусь в их лапах. Дай-ка попугаю их еще, лишь бы они ворота оставили открытыми, тогда можно будет сбежать !».

Он выступил вперед и, обращаясь к демонам, заговорил серьезным тоном:

— Великие князья! Послушайте, что еще сказал Сунь У-кун. От этого никому из нас не поздоровится.

— Что же он сказал? — нетерпеливо спросил старший демон.

— Он сказал, что собирается с тебя, старший князь, содрать шкуру, второму князю переломать кости, а у третьего вытянуть жилы. Если мы запрем ворота и останемся здесь, не миновать нам беды. Сунь У-кун может превратиться в муху, проникнет сюда через щель в воротах и захватит нас всех. Что тогда будет?!

Старший демон задумался.

— Будем начеку, братцы! — промолвил он наконец.— Вы ведь знаете, что в наших пещерах мухи не водятся. Если заметите муху, то знайте, что это Сунь У-кун.

Сунь У-кун при этих словах усмехнулся про себя и подумал: «Обращусь-ка в мушку да напугаю их как следует! Может, они и в самом деле откроют ворота?».

Он шмыгнул в сторону, вырвал у себя шерстинку из затылка, дунул на нее и прошептал: «Превратись!» Шерстинка сразу же превратилась в золотую мушку, которая полетела прямо на старшего демона и стукнулась об его лицо. Демон оторопел и в ужасе закричал:

— Братцы! Дело дрянь! Словечко о мухе оказалось заветным! Пролезла-таки, проклятая, через ворота!

Все бесы пришли в полное замешательство: одни хватались за метлы и веники, другие — за мухогонки и, сбивая друг друга с ног, ловили мушку.

Сунь У-кун не удержался и хихикнул. А смеяться ему не следовало: при смехе его лицо принимало первоначальный облик. Так случилось и теперь. Третий демон успел заметить перемену в лице Сунь У-куна и подскочил к нему.

— Братцы! Вот он, обманщик! — закричал демон, изо всех сил вцепившись в него.— Чуть было не провел нас.

— Ну и умен же ты! — насмешливо перебил демона самый старший.— Кто кого обманывает?

— Да вот этот самый, кто наговорил здесь с три короба,— ответил третий демон, не выпуская Сунь У-куна.— Он вовсе не дозорный, а самый что ни на есть настоящий Сунь У-кун. Убежден, что он повстречался с нашим дозорным, прикончил его, принял его облик и явился сюда морочить нам голову.

Сунь У-кун опешил. «Узнал меня!» — промелькнуло у него в голове. Ломая руки, он с мольбой обратился к демонам:

— Как может статься, что я Сунь У-кун? Я же дозорный! Великий князь! Он обознался...

Старший демон рассмеялся.

— Братец! Он и впрямь дозорный. На перекличках, что бывают у нас по три раза на дню, я его хорошо приметил: он всегда торчал у меня перед глазами.

Обратившись к Сунь У-куну, он спросил:

— Есть у тебя табличка, удостоверяющая твою личность?

— Есть,— отвечал Сунь У-кун и, подняв полу камзола, достал табличку, привязанную к поясу.

Убедившись в том, что табличка не поддельная, старый демон совершенно успокоился:

— Братец! Отпусти его и не обижай больше!

Но третий демон не унимался.

— Брат мой! Ты не заметил, что с ним произошло, когда он отвернулся в сторону и засмеялся,— с досадой сказал он.— Я сразу же узнал его по морде, точь-в-точь такая же, как у бога Грома. Когда я его схватил, он снова принял вид дозорного.

С этими словами демон кликнул слуг и велел им принести веревку. Затем он повалил Сунь У-куна наземь, крепко скрутил ему руки и ноги, сорвал с него одежду, и все убедились, что это обезьяна.

Вы ведь помните, что Сунь У-кун обладал способностью совершать семьдесят два превращения. Он мог принимать вид пернатых, четвероногих, насекомых, мог превращаться в цветы, растения, в посуду, утварь, причем в таких случаях от его тела не оставалось ни малейшего следа. Но когда он превращался в человекообразные существа, у него изменялись лишь лицо и голова, а туловище оставалось прежним, покрытым густой желтой шерстью, с ярко-красными ягодицами и с хвостом сзади.

— Да, туловище у него точь-в-точь такое же, как у Сунь У-куна,— промолвил старый демон, разглядывая связанного,— но лицом он вылитый дозорный.

Повернувшись к слугам, он приказал:

— Ребятки! Прежде всего приготовьте вино и закуски. Надо поднести чарку нашему третьему князю за его великую заслугу. Теперь можно не сомневаться в том, что нам удастся полакомиться мясом Танского монаха, раз уж сам Сунь У-кун попался и лежит у наших ног.

Третий демон, однако, перебил его.

— Пока не будем угощаться вином,— сказал он.— Сунь У-кун очень увертлив и к тому же владеет способом избавления от пут. Боюсь, как бы он не удрал. Прикажи слугам притащить сюда большую вазу. Мы упрячем в нее Сунь У-куна, а уж потом попируем на славу.

Старый демон громко расхохотался:

— Вот это дело! Правильно!

Он тотчас же отрядил тридцать шесть бесенят, которым велел войти во внутренние покои, открыть кладовую и принести оттуда огромную вазу.

Хотите знать, какой величины была эта ваза? В высоту она была в два чи и четыре цуня. А зачем нужно было посылать тридцать шесть бесенят, чтоб притащить ее? А затем, что ваза эта была не простая. Она была сокровищницей, в которой хранились два великих начала природы: женское и мужское. Внутри вазы находилось семь драгоценностей из разных сплавов, восемь гадательных триграмм да еще двадцать четыре эфира — соответственно всем временам года. А тридцать шесть бесенят нужны были для того, чтобы создать соответствие с числом звезд в созвездиях Зодиака, иначе эту вазу нельзя было бы даже сдвинуть с места.

Вскоре ваза была внесена и установлена за третьими воротами. Ее очистили от пыли, сняли крышку, затем развязали Сунь У-куна, раздели его догола и втокнули головой в вазу. Струя волшебного воздуха со свистом всосала Сунь У-куна вовнутрь. Вазу плотно закрыли крышкой и опечатали, после чего все отправились пировать.

— Ну, мартышка, —г оворили бесы, — наконец-то ты попала в драгоценную вазу. Не придется тебе больше путешествовать на Запад, и не думай об этом. Если и сможешь еще раз отправиться к Будде за священными книгами, то не иначе как зародившись в чьей-либо утробе и снова пережив свое младенчество.

Вы бы видели, с каким ликованием толпа бесов, больших и малых, принялась праздновать победу, но об этом рассказывать не стоит.

Между тем Сунь У-кун, оказавшись внутри вазы, уменьшился настолько, что удобно уселся на дне ее,— все благодаря своей способности превращаться. Прошло довольно много времени, и он почувствовал, что внутри вазы стало сыро и прохладно. Сунь У-кун беззвучно рассмеялся.

— Ну и бесы! — проговорил он.— На вид такие важные, а на самом деле пустомели. Вздумали страшать, будто всякий, кто попадет в эту вазу, через часок, а то и меньше, обязательно растворится и станет зловонной жижей?.. Здесь настолько прохладно, что можно годами сидеть в ней и ничего подобного не случится...

Увы, Великий Мудрец Сунь У-кун, очевидно, не знал секрета этой вазы. Если бы человек, заключенный в нее, просидел молча пусть даже целый год, целый год там было бы прохладно, но при первом же звуке человеческой речи в ней появлялся огонь, который сжигал человека. Не успел Сунь У-кун договорить до конца, как пламя заполнило всю вазу. К счастью, Сунь У-кун, мастер на все руки, прочел заклинание от огня, прищелкнул пальцами и спокойно оставался на своем месте, не проявляя ни малейшего чувства страха. Он перенес огненную бурю, продолжавшуюся примерно с полчаса, после чего вдруг заметил, что со всех сторон его окружают откуда-то появившиеся змеи. Их было штук сорок. Все они принялись жалить его. Сунь У-кун завертел руками, словно колесом, наverts на них змей и, поднатужившись, разодрал их всех пополам, получилось восемьдесят половинок.

Прошло еще немного времени и вдруг, откуда ни возьмись, появилось три огненных дракона, которые стали обвивать Сунь У-куна с головы до ног и начали кружить его с такой силой, что он не мог устоять и стал терять сознание.

— Все могу одолеть, но с этими драконами мне будет трудно справиться,— горестно воскликнул он. «Если я не избавлюсь от них сейчас же, то очень скоро они сожгут мне сердце своим огненным дыханием! Как же быть?» — подумал он. Тут он смекнул: «Дай-ка я увеличусь и раздавлю их!».

Молодец Сунь У-кун! Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание и воскликнул: «Превратись!» — после чего сразу же вырос на целый чжан. Стенки вазы тоже раздвинулись. Тогда он разом уменьшился, но и ваза соответственно уменьшилась.

— Вот те на! — встревожился Сунь У-кун.— Я увеличиваюсь — и ваза тоже, я уменьшаюсь — и она тоже! Что делать?

Тут он вдруг почувствовал боль в ступнях ног и пощупал их руками. Оказалось, что от огня они уже начали размягчаться. Вне себя от волнения он воскликнул:

— Как мне быть? Ступни стали мякнуть! Видно, придется мне стать калекой!

Он не выдержал, и слезы хлынули из его глаз.

И, как всегда в минуты крайней опасности, подвергаясь мучениям и страданиям, Сунь У-кун

обратился мыслями к своему наставнику.

— О мой наставник! — воскликнул он. — В том году, когда я вступил на путь истинного учения Будды, бодисатва Гуаньинь убедила меня творить добро и избавила от небесной кары. Потом, перенося тяжкие страдания, я провел тебя через многие горы. Я расправлялся в пути со всякими дьяволами-оборотнями, покорил Чжу Ба-цзе и переманил на нашу сторону Ша-сэна. Вместе с ними мы продолжали наш путь на Запад, преодолевая тысячи невзгод, в надежде достигнуть обители Будды и завершить полное перерождение. Мог ли я ожидать, что попадусь в лапы этим гнусным дьяволам? А все моя неосторожность, за которую я могу поплатиться жизнью. Тебя, мой наставник, я оставил в горах, на перепутье, и ты не сможешь продолжать свой путь! Должно быть, я попал в такую беду за мои прежние проделки.

Продолжая сокрушаться, Сунь У-кун вдруг вспомнил:

— Целы ли у меня те три спасительных волоска, которые я получил в подарок от бодисатвы Гуаньинь на горе Свернувшаяся змея? Надо поискать их!

Он стал шарить рукой по телу и, наконец, нащупал на затылке три волоска, очень жестких и колючих.

— Какая у меня мягкая и приятная шерсть, — обрадовался он, — и только эти три волоска колются, как острия копий. Уверен, что они-то и спасут мне жизнь!

Стиснув зубы от боли, он выдернул три волоска, дунул на них своим волшебным дыханием и произнес: «Превращайтесь!» Один из волосков сразу же превратился в алмаз, другой — в бамбуковую пластинку, а третий — в шелковый шнурок. Стянув концы пластинки шнурком наподобие лука и приспособив алмаз в виде сверла к тетиве этой самодельной дрели, Сунь У-кун начал сверлить стенку вазы снизу у самого дна. Едва успел он просверлить маленькую дырочку, как через нее сразу же проник свет.

— О счастье! Вот удача! — ликовал Сунь У-кун, не помня себя от радости. — Ну, теперь-то я выберусь отсюда!

Только было собрался он вылезти, как вдруг внутри вазы опять стало прохладно. Как бы вы думали, почему? Дело в том, что волшебный воздух, в котором содержались женское и мужское начала, успел улетучиться через дырочку.

Молодец Сунь У-кун! Водворив на место три волоска, он стал уменьшаться и превратился в личинку цикады, очень легкую и проворную, тоненькую, длиною с бровинку, и благополучно вылез через дырочку. Но он еще и не думал бежать. Распустив крылышки, он полетел к старому демону и уселся на макушке его головы. В это время демон пил вино. Он резко поставил чарку на стол и громко воскликнул:

— Ну как, братцы? Сунь У-кун, пожалуй, уже растворился?

Братья-демоны рассмеялись:

— Неужели он до сих пор еще жив?

Старый демон тотчас распорядился притащить вазу. Тридцать шесть бесенят бросились за вазой и были поражены, что она стала намного легче.

— Великий князь, — доложили они, — ваза-то полегчала!

— Вздор! — прикрикнул на них старый дьявол. — Как может она полегчать, когда в ней действует животворный воздух!

Среди бесенят нашелся, однако, упрямец, который приподнял вазу и воскликнул:

— Гляди, разве не видишь, насколько она стала легче?

Старый демон сорвал крышку с вазы, заглянул в нее и, увидев, что она просвечивает, от ужаса даже лишился голоса.

— В вазе, — прохрипел он, путая слова, — пустота высвободилась!

Великий Мудрец, сидевший у дьявола на голове, не удержался и воскликнул:

— Сыночек! — и, так же путая слова, добавил. — Поимка удрала!

Приближенные, подхватив последнее слово, закричали:

— Удрала! Удрала!

Тотчас последовал приказ закрыть ворота.

Тем временем Сунь У-кун встряхнулся, и сорванная с него одежда вновь оказалась на нем. Он принял прежний облик дозорного, успел выбежать за ворота и, обернувшись, выругался:

— Отныне не будешь у меня нахальничать, дьявольское семя! Ваза твоя продырявлена, и больше ты не сможешь мучить в ней людей! Теперь она годится разве только для нужника.

Шумно выражая свою радость, Сунь У-кун ловко вскочил на край облака и помчался прямо к тому месту, где оставил Танского монаха.

Как раз в это время монах совершал молитву и подбрасывал в воздух щепотки пыли вместо ладана.

Сунь У-кун задержал облако и стал вслушиваться в слова молитвы Танского монаха, который, сложив руки ладонями вместе и обратив лицо к небу, взывал:

— О праведные небожители, обитающие в заоблачных высотах, небесные духи, посланцы четных и нечетных счастливых дней, а также все божества и духи небес! Молю вас оградите от напасти моего мудрого ученика Сунь У-куна! Ваша божественная прозорливость неизмерима, а чудодейственная сила великого учения безгранична!

Эти слова молитвы вызвали у Сунь У-куна еще больший прилив рвения быть полезным наставнику. Он приблизился и, сойдя с облака, предстал перед Танским монахом!

— Вот и я! — воскликнул он.

Танский монах заключил его в объятия.

— О Сунь У-кун! — проговорил он. — Ты, верно, очень далеко ходил, разведывая эту гору, и потому так долго не возвращался. Должно быть, тебе пришлось перенести немало всяких злоключений. Я очень беспокоился. Ну, расскажи, какие напасти ждут нас в этих горах?

— Дорогой наставник! — с усмешкой отвечал Сунь У-кун. — На этот раз мне, непутевому, удалось, во-первых, узнать, что всех живущих в восточных землях ожидает счастливая судьба, во-вторых, твои добродетели оказались безграничными, а в-третьих, благодаря своему волшебству... — И он принялся подробно рассказывать о том, как превратился в дозорного бесенка, как затем был заключен в чудесную вазу и как выбрался из нее. Он закончил свой рассказ возгласом: — А то, что я опять сподобился лицезреть тебя, досточтимый наставник мой, означает, что меня действительно, как говорится, смерть не берет!

Танский монах принялся благодарить Сунь У-куна как только мог, а затем спросил его:

— Не пришлось ли тебе сразиться с дьяволами-оборотнями?

— Нет, — отвечал Сунь У-кун.

— Как же ты можешь поручиться, что я благополучно переправлюсь через эту гору?

Сунь У-кун, всегда отличавшийся задором, с жаром возразил:

— А почему бы мне не поручиться?

— Но ведь ты не мерился силами с этими дьяволами,— продолжал сомневаться Танский монах.— Неизвестно, кто окажется победителем. А пока это неизвестно, как могу я отважиться на дальнейший путь?

Великий Мудрец рассмеялся.

— Наставник! Чересчур уж ты несведущ в превращениях. Напомню тебе пословицу: «Из одной шелковинки нитку не спрясть, одной ладонью не захлопать». В горах обитают три главных демона, а у них в подчинении множество бесов и бесенят. Как мог я один вступить с ними в бой?

На это Танский монах заметил:

— «Один в поле не воин». Конечно, тебе одному трудно было справиться с ними. Однако твои спутники, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, тоже владеют чарами. Пусть они идут вместе с тобой. Всем вам общими усилиями легче будет расчистить путь через горы.

Глубоко вздохнув, Сунь У-кун ответил:

— Ты совершенно прав, наставник! Пусть Ша-сэн будет неотлучно при тебе, готовый охранять тебя в любую минуту, а Чжу Ба-цзе вели следовать за мной.

Дурень испугался.

— Братец ты мой, что с тобой? Ослеп, что ли? Ты погляди на меня, на что я годен! Ведь у меня нет никаких способностей, и я буду служить тебе одной лишь помехой. Какая тебе от меня польза?

— Не беспокойся,— ответил Сунь У-кун, —хоть у тебя и нет особых талантов, но все же тебя нельзя считать пустым местом. В народе говорят: «Пустишь ветры, усилишь ветер». С тобой я буду чувствовать себя храбрее.

— Ну ладно,— ответил Чжу Ба-цзе,— так и быть, только ты не оставляй меня одного и обещай выручить меня, когда случится беда.

Танский монах прервал его:

— Сам будь осторожен. А я останусь здесь с Ша-сэном.

Чжу Ба-цзе приободрился и вместе с Сунь У-куном, воспользовавшись порывом ветра, вскочил на облако, которое доставило их на самую вершину горы. Они быстро добрались до пещеры.

Еще издали они увидели, что ворота в пещеру плотно заперты и кругом ни души. Сунь У-кун подошел к входу, держа наготове железный посох, и зычным голосом крикнул:

— Эй, бесы! Отворяйте ворота! Выходите скорей! Я, старый Сунь У-кун, хочу сразиться с вами!

Бесенята бросились к старому демону с докладом. Тот, дрожа всем телом от страха, твердил:

— Недаром говорят, что обезьяны очень злы. Теперь и мне пришлось убедиться в этом.

Находившийся рядом второй демон спросил:

— Братец, что ты хочешь этим сказать?

Старый демон ответил:

— Ты же знаешь, как Сунь У-кун превратился в дозорного, проник к нам в пещеру, и мы не могли распознать его. К счастью, его распознал третий брат, и мы посадили негодяя в вазу. Но он прибег к волшебству, просверлил вазу, забрал одежду и удрал. Теперь он снова кричит у ворот и вызывает нас на бой. Кто же из вас осмелится первым выйти ему навстречу?

Наступило молчание. Демон снова спросил, и опять никто не ответил. Казалось, все оглохли и онемели.

Старый демон разгневался и заорал:

— Мы находимся на большой дороге, которая ведет в Западную страну. В этой стране распространили о нас дурную славу. Если мы теперь, в ответ на оскорбления Сунь У-куна, не выйдем сразиться с ним, то покроем себя позором. Пусть я стар, но я первым вступлю с ним в бой. Ничего, на третьей схватке я его одолею, и Танский монах достанется нам. Если же я потерплю поражение, мы закроем ворота, и пусть он уберется от нас подальше.

С этими словами демон облачился в военные доспехи, подпоясался и вышел.

О, что за чудище увидели перед собой Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе!

Железнолоб и медноглав, он в шлеме был стальном,

Высокий, радужный султан сиял на шлеме том,

Густые пряди бороды так по ветру вились,

Как будто темных две реки со щек его лились.

Продолговатые глаза сверкали, горячи,
Из-под нависших туч бровей, как молнии в ночи.
И ровный ряд его зубов и ряд кривых когтей
Казались зубчиков пилы отточенной острой.
Он был в доспехах боевых и панцирь золотой,
Стан крепкий плотно облегал поверхностью литой.
Шнурок, сплетенный в три жгута из барса крепких жил,
Все облачение украшал и поясом служил.
В руках держал он свой стальной, свой смертоносный меч,
Из ножен вынутый для новых подвигов и сеч.
Казался демон храбрецом, каких уж больше нет;
Громоподобно крикнул он: «Кто там стучит чуть свет?».
Великий Мудрец Сунь У-кун повернулся к нему и сказал:

— Это я, твой властелин, Сунь У-кун, прозванный Великим Мудрецом, равным небу!

Демон рассмеялся:

— Это ты, Сунь У-кун? Ну и храбрая же ты мартышка! Я ведь тебя не трогал, чего же ради ты явился сюда и вызываешь меня на бой?

Сун У-кун ответил:

— В пословице сказано: «Волны поднимаются, когда дует ветер, когда нет прибоя, вода спокойна». Разве искал бы я встречи с тобой, если бы ты не задел меня? Только потому, что ты и вся твоя шайка оборотней собрались вместе в расчете полакомиться моим наставником, я и явился сюда разделаться с вами.

— Ишь ты, забияка! — удивился старший демон.— Уж не собираешься ли ты вступить в драку со мной, подняв такой крик у моих ворот?

— Совершенно верно! — задорно ответил Сунь У-кун.

— Перестань бахвалиться! — надменно произнес демон.— Если я напущу на тебя свое

бесовское войско, и оно вступит с тобою в бой по всем правилам военного искусства, действуя по сигналам флагов и барабанов, то все станут говорить, что я, словно тигр в своем логове, обидел тебя, бедняжку. Давай-ка лучше вступим в бой один на один, чур не звать никого на подмогу!

Сунь У-кун согласился.

— Чжу Ба-цзе,— позвал он,— отойди-ка в сторонку. Посмотрим, как он справится со мной, старым Сунь У-куном!

Дурень быстро отошел в сторону.

— Ну, подходи! — закричал демон.— Сперва стань и стой не двигаясь, я раза три хвачу тебя по голове. Устоишь — пропущу твоего Танского монаха, не устоишь — живо подавай его мне на закуску.

Выслушав демона, Сунь У-кун со смехом сказал:

— Вот что, дьявол, если у тебя в пещере есть кисть и бумага, пусть принесут сюда, мы с тобой напишем договор о том, что я не признаю тебя правым даже если ты будешь рубить мне голову, начиная с сегодняшнего дня и до будущего года!

Тут дьявол встряхнулся, чтобы набраться храбрости, широко расставил ноги, поднял меч обеими руками и со всего размаху ударил Сунь У-куна по голове. Сунь У-кун принял удар. Раздался резкий металлический звук, и меч отскочил от головы Сунь У-куна, не причинив ей ни малейшего вреда, даже то место, куда пришелся удар, и то не покраснело.

— Ну и крепкая же у этой мартышки башка,— изумился демон.

Сунь У-кун засмеялся.

— Ты, видно, не знаешь, каков я! Вот послушай!

Я был рожден крепкоголовым,
И череп мой прочнее меди;
Пожалуй, не найдешь на свете
Владельца черепа такого,
Что не боялся бы ударов,
Пусть нанесенных топором!

В печи плавильной я не даром
Был в молодости закален!
Коль хочешь знать, как это было,
Спроси владыку Лао-цзюня,
Как плавили меня, калили,
Какие прилагали силы,
Чтобы сломить мой дух безумный.
Как Двадцати восьми созвездий
Властители, собравшись вместе,
Меня, томимы чувством мести,
Бросали из огня да в воду,
Верховным существам в угоду.
Но мышцы прочные мои
Меня, что панцирь, охраняли.
Со мной враги не совладали:
Лишь крепче стал я в эти дни.
Но мой наставник дорогой
Нашел, что той закалки мало,
И потому мне приказал он
К тому ж и обруч золотой
Надвинуть на затылок мой,
Чтобы еще прочнее стал он.

Тут демон закричал:

— Мартышка! Перестань заговаривать зубы. Держись! Сейчас я стукну тебя еще разок!
Клянись, что не пощажу твоей жизни.

Сунь У-кун ответил:

— Как бы ты ни старался, и на этот раз ничего у тебя не выйдет. — Посмотрим,— ответил дьявол,— ты, мартышка, не знаешь, какой у меня меч:

Он был плавлен в пламени небывалом,
Он стократную испытал закалку,
И в сражениях непобедимым стал он —
От такого меча помереть не жалко!
С тремя правилами боевыми знаком он,
Для шести боевых приемов годен,
Боевого искусства постиг законы,
В поединках истинно превосхожден.
Несравненное он являет чудо;
Хоть объемист, как туловище удава,
Хоботком мушиным проникает всюду,
Обретая с каждым ударом славу.
Коль в горах взмахнешь им — разгонишь тучи,
Коль взмахнешь над морем — восстанут волны...
Он отточен мастером наилучшим
И волшебной силы навеки полон.
Он храним в пещере, в глубоких недрах,
Но в руках могучих, в разгар сраженья,
Смерть и страх рассеивает щедро,
Никогда не ведая поражения.
Кто б ты ни был, а проиграешь битву,
Коли голову под мой меч подставишь:
Пополам расколется, словно тыква,
Череп твой, что так дерзновенно хвалишь.
Великий Мудрец рассмеялся.

— Да ты, видно, ослеп,— сказал он,— раз принимаешь мою голову за тыкву. Ладно, руби! Только смотри не промахнись! Ну-ка, попробуй еще раз, посмотрим, что получится.

Дьявол снова поднял свой меч и изо всех сил ударил им. А Сунь У-кун нарочно подставил голову. Раздался треск, и голова раскололась надвое. Сунь У-кун тотчас же перекувыркнулся, и тут же появился его двойник. Дьявол пришел в замешательство и опустил меч. Чжу Ба-цзе, наблюдавший издали, громко рассмеялся.

— Хорошо бы почтенному демону рубануть дважды, тогда получилось бы четверо, верно?

Уставившись на обоих Сунь У-кунов, старый дьявол в недоумении спросил:

— Я слышал о том, что ты умеешь раздваиваться, но как удалось тебе сделать это сейчас, прямо у меня на глазах?

— А что такое «раздваиваться»? — прикинувшись простаком, спросил Сунь У-кун.

Дьявол пояснил:

— Когда я ударил тебя в первый раз, ты даже не шелохнулся, а от второго удара из тебя сразу получилось двое.

Оба Сунь У-куна засмеялись.

— Ты только не бойся,— сказали они в один голос,— в ответ на тысячу твоих ударов нас тоже станут тысячи.

— Ишь ты, мартышка! — ехидно произнес дьявол.— Раздваиваться ты умеешь! А вот как соединишься в одно целое? Если сумеешь это сделать, позволю тебе ударить меня разок твоим посохом.

— Давай, только без обмана,— отвечал Сунь У-кун,— ты хотел ударить меня три раза, а ударил только два, теперь ты предлагаешь мне стукнуть тебя разок. Ну что же, ладно, если я ударю тебя не раз, а больше, то пусть отныне меня не называют Сунь У-куном!

— Идет! — согласился дьявол.

Тут Великий Мудрец обхватил своего двойника, перекувыркнулся вместе с ним на земле, и перед демоном вновь очутился один Сунь У-кун, который сразу же замахнулся посохом на дьявола.

Но тот отбил посох мечом и закричал:

— Экая ты невежа! С похоронным посохом хочешь вступить со мной в поединок!

— Ты бы прежде узнал, что это за посох. Он прославился и на небе и под землей! — крикнул в ответ Сунь У-кун.

— Как так прославился? — изумился дьявол.

Тут Сунь У-кун поведал демону историю своего посоха:

Девяносто дней в печи плавильной
Чудесный сплав кипел непрестанно;
Лао-цзюнь великий рукою сильной
Ковал его на своей наковальне.
Правителю Юю достался посох,
Им названный «волшебным сокровищем»,—
С тех пор-то он во всем мире славится,
Не ведая поражений в побоищах.
В четырех морях его сила проверена,
На восьми реках его мощь испробована;
По нем пущена резьба затейная,
Золотые ободья красиво подогнаны,
Сверкают пламенем, блестят, как зеркало.
Посередине — звезды Ковша небесного,
Кругом — узоры с тайным значением,
Письмена древние на нем начертаны,
Приводящие духов и бесов в смятение.
«Начала благого чудесным посохом»
Сие оружие называется.
В глубинах водных сначала хранимое,

От человеческих взоров спрятанное
Моим оружием стало любимым оно,
И множит славу свою незапятнанную.
В моих руках оно изменяется,
С моею волею всегда согласное —
Горою Хэншаньскою расширяется
И возвышается до неба ясного,
Железной проволокой утоньшается.
И раздается мешком наполненным,
И пролезает в ушко игольное,
И яркой радугой переливается.
Чуть шевельну его — в ясном воздухе
Цветное облако тотчас рождается;
Коль бьюсь я посохом, не зная роздыха,
Тогда, как молния, он взвивается,
Мрак собирается, метет метелица,
Туманы хладные по небу стелются.
Посох достался мне, когда путь истинный
Душе смятенной моей представился,
К добру склонившийся, мой дух воинственный
От буйства прежнего навек избавился.
С волшебным посохом вернулся в горы я,
Чтоб там, в тиши и в уединении,
Постичь усилиями упорными
Науку тайную превращения.
Когда со мною мое оружие —
Драконы, тигры всегда покорны мне;
Его страшатся и в небе сущие,

Пред ним склоняются и силы черные,
Прошел я с ним края небесные,
Земли окраины, просторы водные,
Проделки буйные и неуместные
Свершил с ним вместе в чертогах горних я.
В саду, где персики растут прекрасные,
Мы духов празднество шутя нарушили;
Князья небесные в борьбу ужасную
Со мной вступили, единодушные.
Все же одолеть им не удалось меня.
Ночжа со мною скрестил оружие,
Но разогнал я бойцов непрошенных
Своею палицей, с победой дружною.
Сто тысяч воинов, небесных жителей,
Бежали в ужасе, как дети малые,
От верной гибели ища укрытия,—
Но даже резвость ног не помогла им.
На Небо Высшее и Чудотворное
Где Тунминдянские дворцы воздвигнуты,
С поднятой палицей взлетел проворно я,
Мной были жители врасплох застигнуты.
И полководцы все, непобедимые,
И громовержцы все, дворца хранители,
Меня заметив у врат обители,
Бежали, словно огнем палимые,
В бою желая со мною встретиться.
И с ними справился неумолимо я!
Пока метались духи-служители,

Гонцы проворные небес властители,
Чертог чудесный Большой Медведицы
Вверх дном, играючи, опрокинул я.
Подверг разгрому небес красавицу,
Палату дивную Полюса Южного.
Увидев силу мою недюжинную,
Мощь неизбывную моей палицы,
Владыка неба к Будде отправился,
Чтоб тот помог ему со мною справиться.
Кто знает загодя исход сражения?
Кто может выигрыша ждать заведомо?
Сколь часто терпит тот поражения,
Кто в бой за скорою спешил победою!
И я, тяжелою горой придавленный,
Ждал половину тысячелетия,
Пока Гуаньинь самой избавлен был
От непомерного наказания.
В то время встретился с монахом Танским я,
Желавшим выполнить задачу трудную —
Начать опасное, большое странствие
В края далекие, где мудрый Будда жил;
К добру великому влекомый сызмала,
Хотел благой монах из ада вызволить,
Спасти все души, невинно сгубленные.
А для того ему были надобны
Книги священные, давно хранимые
У Будды мудрого, в царстве Западном.
Узнав, что трудности непобедимые

И встречи с силами злыми, дьявольскими,
Ждут на дороге к святой обители,
Монах просил, чтоб телохранителем
Его я сделался и с ним отправился
И ограждал его своею палицей
От нечести, что на пути появится.
Итак, последовал я за учителем;
Немало дьяволов и духов мерзостных
Со мной оружие скрестили дерзостно.
Нетрудно было мне с ними справиться!
В котлах Янь-вана их мясо варится,
В пыль невесомую превращается.
Так будет с каждым, кто с этой палицей,
Тая злой умысел, повстречается!
Чудесный Доунюгун разрушен ею был,
В пределах горных, средь неба ясного.
Ведь эта палица — причина гибели
И Сэнлодяньского дворца подземного.
Мое оружие крушило демонов,
Злых духов, оборотней, их приспешников,—
Еще немного, и поразило бы
Того, кто судьбы решает грешников.
Оно своею чудесной силою
Всех полководцев горних рассеяло;
Великой мощью его встревожены,
Они бежали к Югу и к Северу,
На девяти светилах попрятались.
Скажу воистину, что в мире вряд ли есть

Еще оружие, с этим схожее.

От взлетов этой волшебной палицы

Из берегов выходят реки бурные,

Хребты гранитные содрогаются,

Мглой покрывается небо лазурное.

Она сильнее меча булатного,

Духа звезды Тайсуй, воина славного;

С пути на Запад сметает всякого —

Врага сокрытого, недруга явного, —

Монаха Танского охраняющая,

Всех злобных демонов сокрушающая!

Дьявол слушал с дрожью эти слова и, не помня себя, замахнулся на Сунь У-куна своим мечом. Злорадно посмеиваясь, Царь обезьян выступил навстречу со своим железным посохом. Они сперва схватились у самого входа в пещеру, а потом совершили прыжок и оказались в воздухе, продолжая смертный бой. Вот послушайте, что это был за бой!

Сокровищем волшебным называлось

Оружие Сунь У-куна не напрасно:

Сама река небесная являлась

Свидетельницей подвигов прекрасных,

Что совершала палица, покорна

Велениям владельца своего:

Коварный бес, исполнен злобы черной,

Напрасно меч свой поднял на того,

Кто, истребляя зло, знал только лишь победы,—

Тем самым на себя навлек большие беды

Неумный дьявол, чей ничтожный меч

Был недостоин настоящих сеч.

Враги могли, пожалуй, помириться,

Покуда у пещеры шло сражение.
Как только в воздухе пришлось обоим биться,
Никто не помышлял о примиренье!
Боролись недруги в жестоком исступленье,
Один — желая Сюань-цзана съесть,
Другой — погибель от наставника отвести.
Лик одного все время изменялся
От ужаса, испуга, напряженья,
Другой же был, как угорь, весь в движение,
Как змей, всем телом гибким извивался...
Туман от жаркой битвы поднялся,
И землю скрыл собой и небеса,
Добро и зло изыскивали средства
Друг друга одолеть, сражаясь за наследство,
Оставленное Буддой всеблагим.
Монах и Сунь У-кун за книгами стремились,
Что на далеком Западе хранились,
А дьявол преграждал дорогу им.

Более двадцати раз схватывались противники, но так и нельзя было сказать, кто победит. Чжу Ба-цзе, наблюдавший за поединком, не вытерпел, когда увидел, что сражающиеся вошли в раж, и, подхватив свои грабли, при первом же порыве ветра подпрыгнул вверх и принялся бить дьявола. Тот растерялся и, бросив свой меч, побежал без оглядки с поля сражения. Он не знал, что Чжу Ба-цзе, напористый по своей натуре, наводит страх лишь Дерзостью своей и грубостью, демон видел только рыло, огромнейшие уши, могучие руки и наводящие страх грабли.

Сунь У-кун стал кричать:

— Бей его! Держи!

Чжу Ба-цзе набрался храбрости и пустился вдогонку за дьяволом, высоко подняв грабли. Почуввав погоню, дьявол задержался на склоне горы и, обратившись лицом к ветру, качнулся из стороны в сторону, сразу приняв свой настоящий облик. Разинув громадную пасть, он собрался

проглотить Чжу Ба-цзе. Чжу Ба-цзе струсил и стремглав бросился в кусты, не обращая внимания на колючки и шипы, исцарапавшие в кровь его руки и ноги. Он рассек себе голову, но не замечал боли и, притаившись в траве, прислушивался к стуку колотушек, доносившемуся до него. Вскоре подоспел и Сунь У-кун. Чудовище снова разинуло пасть, вознамерившись проглотить его. А это как раз и нужно было Сунь У-куну. Он спрятал свой посох, выступил навстречу, и дьявол разом проглотил его. Это так напугало дурачка Чжу Ба-цзе, лежавшего в траве, что он принялся бормотать что-то, изливая свою досаду на Сунь У-куна:

— До чего же неосторожная обезьяна! Ведь знал, что чудовище хочет сожрать тебя, надо было удрать, а не лезть к нему в пасть. Сейчас ты еще праведный монах, хоть и находишься в брюхе этого чудовища, но во что ты превратишься завтра?!

Одержав победу, дьявол удалился. Дурень выполз из травы и помчался обратно по старой дороге.

Вернемся теперь к Танскому монаху, который сидел на противоположном склоне горы вместе с Ша-сэном в ожидании Чжу Ба-цзе и Сунь У-куна. Оба они увидели Чжу Ба-цзе, который, запыхавшись, бежал к ним. Танский монах испуганно спросил его:

— Что случилось? Отчего у тебя такой истерзанный вид? А Сунь У-кун где? Почему его не видно?

Чжу Ба-цзе стал громко плакать.

— Наставник мой! — причитал он сквозь рыдания. — Сунь У-куна сожрало чудовище!

От страха Танский монах повалился наземь, а затем вскочил, начал бить себя кулаками в грудь и топтать ногами.

— О мой ученик! — горестно воскликнул он. — Ты уверял меня, что обладаешь способностью покорять всех дьяволов и оборотней, и ручался, что доставишь меня в Западную обитель Будды целым и невредимым. Как же случилось, что ты попался в лапы дьяволу и погиб? О, горе мне, горе! Выходит, что все наши труды и подвиги пропали даром!

Скорбь Танского монаха была поистине безгранична. Чжу Ба-цзе даже не пытался утешить своего наставника и спокойно обратился к Ша-сэну:

— Давай поделим с тобой поровну всю поклажу.

— А для чего делить ее, братец? — удивился Ша-сэн.

— Как для чего? Поделим и разойдемся каждый в свою сторону, — ответил Чжу Ба-цзе. — Ты отправишься к себе, на реку Сыпучих песков, где снова займешься людоедством, а я пойду в

свое селение Гаолаочжуан, проведу мою супруженьку. Белого коня мы продадим и на вырученные деньги купим наставнику все необходимое для погребения его тела.

От этих слов у Танского монаха дыхание сперло, и он завопил не своим голосом, взывая к небу.

Тут мы их пока оставим и вернемся к Сунь У-куну.

Мы уже рассказали вам о том, что дьявол проглотил Сунь У-куна и, довольный своей удачей, направился прямо к себе, в свою пещеру. Толпа бесенят выбежала ему навстречу и стала расспрашивать, как прошла битва.

— Одного поймал,— самодовольно сказал старый демон.

— Братец! Кого же тебе удалось поймать? — спросил второй демон, не скрывая радости.

— самого Сунь У-куна! — с гордостью ответил старый демон.

— Где же он?

— У меня в брюхе.

От этих слов третий демон сильно встревожился.

— Я не предупредил тебя, дорогой брат, что Сунь У-куна нельзя проглатывать.

В этот момент из живота дьявола послышался голос:

— Очень даже можно! Насытил свою утробу и вообще голодать тебе больше никогда не придется!

Стоявшие вблизи бесенята услышали и в страхе закричали:

— О великий князь. Плохо дело! Сунь У-кун кричит у тебя в животе!

— Чего испугались? — ответил старый демон.— Я сумел его проглотить, сумею и избавиться от него. Живо ступайте на кухню и сварите мне соленый рисовый отвар. Я выпью этого отвара и изгоню Сунь У-куна. Потом сварю его на медленном огне и приготовлю как закуску к вину.

Бесенята наварили полтаза рисового отвара и принесли дьяволу. Тот разом осушил его до дна, затем засунул два пальца, но Сунь У-кун словно пустил корни в животе и даже не сдвинулся с

места. Напрасно дьявол старался. Сунь У-кун так крепко схватил его изнутри за глотку, что у того голова закружилась и в глазах зарябило. От натуги у него даже лопнул желчный пузырь. Но Сунь У-кун прочно сидел на месте. Старый дьявол, задыхаясь, стал кричать:

— Сунь У-кун, ты что не вылезаеть?

— Еще рано,— отвечал Сунь У-кун.— Да мне и здесь хорошо, нечего вылезать!

— Чего хорошего? — удивился дьявол.

— Эх, дьявол! До чего же ты непонятливый! — недовольным тоном проговорил Сунь У-кун.— С тех пор как я стал монахом, живу очень бедно: наступает осенняя прохлада, а я все хожу в своем простом рубище. Зато здесь, у тебя в животе, тепло и не дует. Вот я перезимую у тебя, а уж потом вылезу.

Бесенята все это слышали и, обратившись к старому демону, завопили:

— О великий князь! Сунь У-кун собирается зимовать у тебя в животе!

— Ну и что ж? — ответил старый дьявол, стараясь казаться невозмутимым.— Пускай себе зимует. А я погружусь в созерцание да еще прибегну к способу перемещения внутренностей и за всю зиму не возьму в рот ни крошки еды. Вот и уморю голодом эту противную мартышку, которую даже конская зараза не берет!

— Сынок! До чего же ты глуп! — воскликнул Сунь У-кун.— Охраняя Танского монаха в его пути за священными книгами, мне довелось проходить с ним через Кантон, где я прихватил с собой складной котелочек, очень удобный, чтоб готовить в нем разную пищу. Вот я заберу у тебя все твои печенки, селезенки, легкие да кишки и наготовлю себе столько еды, что ее хватит до самой весны, до того дня, когда поминают покойных предков, и еще на дорогу останется.

Услышав эти слова, второй демон не на шутку перепугался.

— Братец! — проговорил он. — Эта обезьяна, пожалуй, так и сделает...

— Ладно,— стал урезонивать его третий демон,— пусть готовит себе пищу, но, спрашивается, куда он приладит свой котелок?

Сунь У-кун услышал и крикнул:

— Пристрою его на костях, вот и хорошо будет!

— Да нет! Совсем не хорошо! — ответил третий демон. — Допустим, что тебе удастся приладить котелок, но как только ты станешь разводить огонь, дым пойдет через ноздри и наш повелитель начнет чихать!

Сунь У-кун рассмеялся:

— Пустяки! Я пробью железным посохом дыру у него на макушке, и она послужит слуховым окном и в то же время дымогарной трубой.

Старый дьявол хоть и храбрился, однако душа его от страха едва не ушла в пятки. Стараясь напустить на себя спокойствие, он пролепетал:

— Братцы мои! Не бойтесь! Пусть принесут мою настойку. Я убежден, что от нескольких чарок обезьяне станет худо.

Сунь У-кун усмехнулся про себя. «Пятьсот лет тому назад,— вспомнил он,— когда я учинил буйство в небесных чертогах, я съел пилюлю Лао-цзюня, выпил вино Нефритового императора, съел персики царицы Сиванму, наелся фениксовых мозгов и драконовой печени, словом, чего только я не наглotalся, и ничего со мной не случилось. Каким же зельем думает он опоить меня?» Тем временем бесенята принесли два кувшина процеженной настойки. Налив чарку до краев, они поднесли ее старому дьяволу. Пока тот держал чарку в руке, до Сунь У-куна дошел запах зелья. «Не дам ему пить!» — решил он про себя, наслаждаясь винным ароматом.

Ну и молодец Сунь У-кун! Мотнув головой, он превратил ее в устье воронки и подставил под самую глотку дьявола. Тот глотнул из чарки, и все содержимое попало в рот Сунь У-куну. Таким образом Сунь У-кун пропустил в себя чарок семь или восемь.

Наконец старый дьявол перестал пить.

— Что-то вино не действует? — удивился он. — Бывало, раньше от двух чарок в животе жгло, как от огня, а сейчас сколько выпил и ничего, даже не покраснел...

Зато Сунь У-кун от вина развеселился: он стал прыгать, плясать, хватался за печеньку и качался на ней, как на качелях, совершал разные акробатические фигуры и кувыркался через голову колесом. От всей этой пляски у чудовища нестерпимо разболелся живот. Упав на землю, старый демон стал кататься от боли. Что произошло в дальнейшем, осталось ли чудовище в живых, или сдохло, вы узнаете из следующей главы.